

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PG
3300
L42S74

SREZNEVSKII, I. I.
SHTENĬIA O DREVNĬKH RUSS-
KĬKH LIETOPISIĬAKH.

4433

ЧТЕНІЯ
0
ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

ЧТЕНІЕ I — II.

ПРЕЛОЖЕНІЕ БО ПРЪ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1862.

ПРОДАЕТСЯ У КОМПЛЕКТОВЩИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А. Балунова, въ С. П. Б.

И. Балунова, въ Москвѣ.

В. Глазунова, въ С. П. Б.

В. Долженкова, въ Кіевѣ.

Эггерсъ въ Копен., въ С. П. Б.

Эммануилина въ Копен., въ Тифлисѣ.

Цена 25 коп. сер.

ДРЕВНИИХЪ РУССКИИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ. 1770

ЧТЕНІЯ

0

ДРЕВНИИХЪ РУССКИИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

ЧТЕНІЕ I — III.

ПРИЛОЖЕНІЕ КО ПЕРЬ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1862.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Баунова, въ С. П. Б.

И. Баунова, въ Москвѣ.

И. Глаунова, въ С. П. Б.

И. Должикова, въ Кіевѣ.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Энфанджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп. сер.

РН.

1 4 2 5 7 4

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ.
20 Декабря 1862 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Воеводкинъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЧТЕНІЯ

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

АКАД. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БЫЛИ-ЛИ НА РУСИ ЛѢТОПИСИ ВЪ X ВѢКѢ?

Со времени крещенія Владиміра святаго и его Руси, южной и сѣверной, слово Русское, оживляемое духомъ христіанства, стало все болѣе обогащаться дарами просвѣщенія. Книги Слова Божія и творенія отцевъ церкви, изліянія убѣжденій нашихъ домашнихъ наставниковъ, духовныя пѣсни, церковныя правила и сказанія, жизнеописанія, повѣсти о дѣлахъ минувшихъ — давали уму и чувству Русскаго читателя пищу обильную и разнообразную. Такъ было съ XI вѣка. А до этого времени—ужели не было ничего? И до 988 года были на Руси христіане—даже вѣроятно въ большемъ числѣ, чѣмъ можетъ инымъ казаться; были христіане и при княгинѣ Ольгѣ, и при Оскольдѣ и Дирѣ, и даже ранѣе. Были слѣдовательно и книги. Эти книги были не только списки трудовъ первоучителей Славянскихъ, Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ, приносимыя намъ отъ Славянъ югозападныхъ изъ-за Дуная; но и домашнія Русскія, какъ свидѣтельствуемъ сохраненное преданіемъ сказаніе самого Константина философа, видѣвшаго въ Херсонѣ Русскій переводъ Евангелія и Псалтыря еще въ то время, когда самъ онъ не начиналъ своего

подвига просвѣщенія Славянъ. Были свои домашнія религіозныя книги, о которыхъ осталось только темное воспоминаніе. Ужели не осталось ничего кромѣ воспоминанія? Въ лѣтописяхъ сохранились четыре договора съ Греками, и первый изъ нихъ относится къ одному изъ первыхъ лѣтъ X-го вѣка. Эти договоры драгоцѣнны по даннымъ, изображающимъ бытъ Русскаго народа во время Олега, Игоря и Святослава, какъ могли его выразить Греки, ихъ составлявшіе, и какъ могли допустить Русскіе, для которыхъ ихъ составляли и потомъ переводили. Но это не подлинники, а переводы съ Греческаго, переводы несвободные, выразившіе случайно только то, что было Грекамъ нужно, и такъ, какъ было нужно. Ужели не сохранилось ничего болѣе? Ужели же отъ нашей древности до Владиміровской не осталось ничего болѣе? Между памятниками древности бываютъ сложные, памятники двухъ-трехъ различныхъ вѣковъ разомъ — въ родѣ палимпсестовъ, на которыхъ сквозь начерченные вновь, хотя и древнія письмена, виднѣются другія вытертыя, еще болѣе древнія. Нѣтъ ли и у насъ хоть такого остатка отъ первоначальныхъ вѣковъ нашей Русской жизни, Русскаго труда, Русской образованности—образованности, конечно, не въ томъ значеніи, которое связывается съ понятіемъ о ней при мысли о времени нашемъ, а въ томъ общемъ, которое не чуждо ни одному образуемому народу во всѣ вѣка его жизни?

Не знаю, былъ ли предлагаемъ такой вопросъ; но данныя для отвѣта виднѣлись не одному изъ нашихъ изслѣдователей. Вспоминая здѣсь о замѣчаніяхъ, высказанныхъ въ этомъ отношеніи сочленами нашими *), я позволяю себѣ отвѣчать на предложенный вопросъ положительно—съ обозначеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ представились въ слѣдствіе личнаго изученія того, что мнѣ казалось для этого нужнымъ. Отвѣтъ на вопросъ находится въ нашихъ лѣтописяхъ. Наши древнія лѣтописи древни, но составлены изъ частей еще болѣе древнихъ,—и нѣкоторыя изъ этихъ частей принадлежатъ до-Владиміров-

*) Кому неизвѣстны заслуги, оказанныя въ отношеніи къ разъясненію древностей Русскихъ П. Г. Бутковымъ, М. П. Погодинымъ и Я. И. Березниковымъ.

скому времени. — Представляя соображенія о томъ, въ какое время начаты были наши лѣтописи, присоединяю къ нимъ и сильный отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ видѣ онѣ были первоначально составляемы, и гдѣ и кѣмъ были писаны *).

I. Древнѣйшая изъ нашихъ лѣтописныхъ книгъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», оканчивается 1110-мъ годомъ; а между тѣмъ въ ней есть воспоминанія о событіяхъ не только VII — VIII вѣка, но и болѣе раннихъ, и рядъ годовыхъ чиселъ начинается въ ней съ 6360 = 852 года. Исключивъ изъ числа лѣтописныхъ сказаній, въ нее вошедшихъ, всѣ тѣ, которыя могли быть заимствованы изъ Византійскихъ или Болгарскихъ источниковъ, все еще останется довольно значительное число событій, о которыхъ лѣтописецъ могъ узнать только изъ источниковъ домашнихъ. Рядъ этихъ событій, отмѣченныхъ годами, начинается въ Повѣсти врем. лѣтъ 6367-мъ (859) годомъ «Имаху дань Варязи, пришедше изъ заморы». Съ 860-хъ до 1110-хъ годовъ прошло два вѣка съ половиной. Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени память народная не могла. Не могъ слѣдовательно и лѣтописецъ XII вѣка первый примѣнить повременности лѣтъ къ повременности событій. У него подъ руками были слѣдовательно лѣтописныя замѣтки, хотя бы и безжизненные по изложенію, безсвязныя по взаимному соотношенію, въ томъ же родѣ какъ замѣтки древнихъ анналистовъ западной Европы, но замѣтки погодныя, сдѣланныя еще тогда, когда можно было замѣтить вѣрно, когда именно случилось какое происшествіе.

Пользуясь такими замѣтками, и находя иногда между ними противорѣчія, сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ старался добраться истины, предпочетши одно сказаніе другому, не считалъ бесполезнымъ даже оспорить то, что казалось ему неправдой. Такъ, говоря объ основаніи Кіева, онъ замѣтилъ, что «ини

*) Кое-что объ этомъ было уже мною высказано въ статьѣ о новыхъ изслѣдованіяхъ касательно лѣтописей Новгородскихъ (Изд. II. 18—27, 70—78). Не повторяя всего, вношу сюда только то, что мнѣ кажется нужнымъ для нѣкоторой полноты очерка. вмѣстѣ съ этимъ не могу умолчать, что нѣкоторыя изъ соображеній, здѣсь мною доказываемыхъ, были уже высказаны М. П. Погодинымъ.

несвѣдуше рекоша, яко Кый перевозникъ былъ: аще бо бы перевозникъ Кый, не бы ходилъ Царюграду». Такъ, говоря о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, онъ замѣтилъ, что «се же несвѣдуше право глаголють, яко крестилъся ксть въ Киевѣ, ини же рѣша — Василеви, друзии же инако скажутъ». Нужда оспаривать описанія событій указываетъ на нѣсколько періодовъ составленія лѣтописей до начала XII вѣка, указываетъ на то, что лѣтописцы поздніе вставляли замѣтки о важнѣйшихъ событійхъ по слухамъ, безъ помощи лѣтописей древнихъ, гдѣ могли найти сказанія болѣе достовѣрныя, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что были лѣтописи очень древнія, очень близкія ко времени событій, которыхъ сказанія можно было считать достовѣрными. Нельзя забыть еще, что сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, пользуясь прежними лѣтописными замѣтками, не имѣлъ ихъ всѣхъ подъ рукою, или по крайней мѣрѣ не пожелалъ воспользоваться всѣми безъ исключенія: теперь эти пропуски надо дополнять изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, составленныхъ или независимо отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, каковы напр. Новгородскіе, или по Повѣсти временныхъ лѣтъ, но позже, каковы Софійскіе, Псковскіе и т. д.

Черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ крещенія Владиміра уже различно говорили, гдѣ онъ крестился; слѣдовательно въ продолженіи ста лѣтъ съ небольшимъ не выдержало себя народное преданіе вѣрно — въ отношеніи къ одному изъ самыхъ важнѣйшихъ событій того времени. Можно ли послѣ этого думать, что оно бы выдержало вѣрно годы событій не ста, а 250 лѣтъ? Но пусть бы выдержало оно и сто лѣтъ; то все же 860-е годы должны были быть отмѣчены не позже 960-хъ, 900-е не позже 1000-хъ, и т. п.,—и все-таки, разумѣется, годы только самыхъ важнѣйшихъ событій, а не всѣхъ безъ исключенія. Допустимъ еще, что нѣкоторые другіе годы были указаны по соображенію съ извѣстными годами главнѣйшихъ событій; но за исключеніемъ и этихъ годовъ, останется еще довольно много такихъ, которые никакъ не могутъ оставаться въ памяти по самому значенію происшествій, какъ напр. 864-й годъ, когда возмущались было Новгородцы противъ Варяговъ, — 867-й годъ, когда нѣкоторые изъ Новгородцевъ бѣжали въ Киевъ, гдѣ между

тѣмъ былъ голодъ, — 903-й годъ, какъ годъ женидѣбы Игоря на Ольгѣ, — 942 годъ, какъ годъ рожденія Святослава, и т. д. Если все это такъ, то смѣло можно сказать, что лѣтописныя замѣтки были на Руси уже въ началѣ X вѣка и съ тѣхъ поръ были продолжаемы.

Подтвержденіе такого заключенія находимъ въ самыхъ описаніяхъ событій этого отдаленнаго времени. Конечно, многія подробности могли быть долгое время незаносимы въ краткія лѣтописи и удерживаться въ памяти устнымъ преданіемъ, естественно облекаясь при пересказѣ въ формы эпопей: такихъ пересказовъ есть нѣсколько въ лѣтописяхъ нашихъ изъ временъ Олега, Игоря, Ольги, Святослава... Многія другія подробности, оставаясь безъ этого пересозданія, должны были бы погибнуть изъ памяти, и если не погибли и занесены въ лѣтопись, то занесены въ свое время. Чѣмъ онѣ отрывочнѣе и — если можно такъ выразиться — временнѣе, тѣмъ скорѣе гибнуть, или скорѣе заносятся въ лѣтопись. Есть нѣсколько такихъ и между подробностями нашихъ лѣтописей. Обозначу нѣкоторыя.

— «Въ лѣто 6367 (859) Козари имаху на Поланѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху *по блль и вывериць* отъ дыма».

— «Въ лѣто 6390 (882)...Олегу...устави Варягомъ дань дагати отъ Новагорода *ривень 300 на лпто, мира дѣля—кже и нынѣ дають*». Это *нынѣ* продолжалось, какъ объяснено въ Повѣсти временныхъ лѣтъ до смерти Ярослава.

— «Въ лѣто 6391 (883) поча Олегъ воквати Деревляны и примучивъ и, имаше на нихъ дань *по чернѣ кунѣ*».

— «Въ лѣто 6392 (884) иде Олегъ на Сѣверяны, и възложи на нь *дань лезьку*, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити».

— «Въ лѣто 6393 (885) посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань дакте? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови *по щлягу, такожже Козаромъ дагату*».

— «Въ лѣто 6419 (912) *гвися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ*» (Сравн. *Annal. Alamani. Colon. Besun. Corbej. Mellic.* у Перца въ *Scriptores* г. G. I, 55, 98. II, 249. III, 4. IX, 496 и пр.).

— «Въ лѣто 6422 (914) иде Игорьъ на Древляны и побѣдивъ възложи на ня дань *большю Ольовы*». Въ то время, когда записывали объ Игоревомъ походѣ на Древлянъ, памятенъ былъ походъ Олеговъ 6391 (883) года, и еще умѣли сравнивать ихъ послѣдствія, слѣдовательно эти событія не были еще затуманены въ памяти другими событіями, болѣе важными; а съ Древлянами князья Кіевскіе воевали часто.

— Въ лѣто 6423 (915) придоша Печенѣзи *первою* на Рус'кую землю». Не странно ли, что спустя 53 года послѣ этого, подъ 6476 (968) опять записано: «придоша Печенѣзи на Рус'кую землю *первою*». Считать это повтореніе нельзя простою опискою. Позволительнѣе думать, что въ 915 году Печенѣги пришли въ первый разъ со времени начала княженія Игоря, а въ 968 тоже въ первый разъ со времени начала княженія Святослава. Эти воспоминанія о первыхъ появленіяхъ Печенѣговъ въ области Русской, незатемненныя воспоминаніями объ ихъ послѣдовавшихъ набѣгахъ, мнѣ кажется, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ давно занесены онѣ въ рядъ замѣтокъ лѣтописныхъ.

— «Въ лѣто 6453 (945)... Деревляне Ѹбиша Игоря». Во время смерти Игоря при юномъ Святославѣ воеводою былъ Свѣнелдъ (= Свѣналдъ = Свѣнгалдъ = Свинделдъ = Свиндѣлъ = Свѣнтель и т. п.) «*тѣ же отць Мистишинъ* (= Мистишинъ)». Имя Свѣнелда не разъ упомянуто въ лѣтописи и прежде и послѣ этого намека, на протяженіи слишкомъ 60-ти лѣтъ (съ 914 до 977 года), какъ имя воеводы княжескихъ войскъ. Одинъ ли и тотъ же витязь является тутъ подъ этимъ именемъ или разные, все равно; но замѣтка о Свѣнелдѣ какъ объ отцѣ Мистиши въ 945-мъ году указываетъ на то, что въ то время, когда эта замѣтка сдѣлана, былъ на виду и другой Свѣнелдъ, если не два или три, и что его надобно было отличить именемъ сына. Сынъ Свѣнелда Мистиша (если только подъ его именемъ не скрывается Лютъ Свѣнелдичъ, убитый Олегомъ Древлянскимъ на охотѣ въ 975 году), ни разу болѣе не вспоминается, ни почему другому не нашелъ себѣ права на память лѣтописца; онъ былъ слѣдовательно важенъ для лѣтописца только какъ современникъ, и могъ быть замѣченъ только современникомъ — слѣдовательно еще въ X вѣкѣ.

— «Въ лѣто 6454 (946) возложи (Ольга) на ня (на Древянѣ) дань тяжьку: *дѣль части дани* идета Кыкву, а *третьяга* Вышегороду къ Ользѣ». Слѣдующее за тѣмъ выраженіе «бѣ бо Вышьгородъ градъ Вользинъ» прибавлено, безъ сомнѣнія, позже.

— Въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новугороду и устави по *Мьсть* повосты (=погосты) и дани, и по *Лузь* погосты, оброки и дани». Послѣдующимъ лѣтописцемъ прибавлены объясненія: «и сани кк стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и ксть село кк Ольжичи и доселѣ».

— Въ лѣто 6472 (964).... (Святославъ) иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рѣче Вятичемъ: кому дань данте? Они же рѣша: Козаромъ *по щяльгу отъ рала дакъмъ*.

— Въ 6477 (969) «умре Ольга *юла въ 11-й день*». До сихъ поръ мы празднуемъ этотъ день....

— Въ 6479 (971) «приде Святославъ (изъ Болгаріи Дунайской) къ порогомъ, и не бѣ л'зѣ проити порогъ, и възвратися въспяты до устья Днѣпрьского, и ста зимовати въ лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу (=въ Бѣлобережьи), бѣ бо зима приспѣ, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, *яко по полуриви'нѣ глава конача*». Послѣднее замѣчаніе обличаетъ современника, спутника Святослава, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣгнуть смерти или плѣна Печенѣжскаго вмѣстѣ съ воеводою Свѣнелдомъ, или послѣ освободившагося изъ плѣна.

Можемъ заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во время Игоря и Святослава или, по крайней мѣрѣ, ихъ современниками.

Какими же годами оканчивались эти перволистки нашей лѣтописной литературы? Мнѣ кажется, есть возможность отвѣчать и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ находимъ между прочимъ въ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Этотъ перечень оканчивается сводомъ лѣтъ: «Отъ смерти Святослави до смерти Ярослави лѣтъ 85, а отъ смерти Ярослави до смерти Святополчи 60». Тутъ счетъ Русскихъ лѣтописныхъ лѣтъ раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, 3) до смерти Святополка. Для

чего нужно было это дѣленіе? Само по себѣ, конечно, ни для чего; потому что и безъ него числа, какъ очевидно, были извѣстны. Оно слѣдовательно прибавлено случайно, независимо отъ воли лѣтописца, — только по отношенію лѣтописца къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ онъ матеріалъ. Годомъ смерти Святополка думалъ заключить свою лѣтопись тотъ лѣтописецъ, который пережилъ Святополка (1114 г.); годомъ смерти Ярослава оканчивался трудъ одного изъ его предшественниковъ *); годомъ смерти Святослава оканчивалась хоть одна изъ лѣтописей прежде, чѣмъ продолжена была далѣе. Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 года. Но и эта была не первая, не самая древняя, какъ видно изъ вышепредставленныхъ данныхъ, изъ современности лѣтописныхъ замѣтокъ годамъ, подъ которыми они записаны, и подробностямъ событій, отмѣченныхъ подъ эти годами. — Тоже видно и изъ сопоставленія событій не Русскихъ съ Русскими. Въ Повѣсти врем. лѣтъ находимъ цѣлый рядъ событій, относящихся исключительно къ судьбамъ Византіи и Болгаріи. Рядъ такихъ событій начинается началомъ царствованія императора Михаила (6360 = 852) и оканчивается набѣгомъ Угровъ на Царьградъ (6451 = 943). Нѣкоторыя изъ этихъ событій стоятъ въ лѣтописи совершенно отдѣльно отъ событій Русскихъ; напр: «Въ лѣто 6366 Михаилъ царь изиде съ вои на Болгары... Въ лѣто 6376 поча царствовати Василии». Нѣкоторыя другія стоятъ въ лѣтописи на первомъ мѣстѣ, а событія Русскія за ними, или напротивъ; напр. «Въ лѣто 6421 поча княжити Игорьъ по Ол'зѣ. Въ се же время поча царствовати Костантинъ... И Древлѣне заратишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти. Въ лѣто 6422 иде Игорьъ на Древлѣны... Въ то же лѣто приде Симеонъ Болгарьскыи на Царьградъ». Такого соединенія событій Русскихъ съ не-Русскими въ лѣтописи первоначальной быть не могло: оно было слѣдствіемъ предварительнаго существованія лѣтописи чисто Русской, къ которой бы послѣ могли быть прибавлены замѣтки

*) Вспомнимъ вышеуказанную замѣтку подъ 6390 годомъ, когда уставлено давать Варягамъ дань по 300 гривенъ, *уже и нынѣ даютъ*; нынѣ = до смерти Ярослава.

не Русскія, или изъ которой взяты замѣтки Русскія для дополненія лѣтописи не Русской. Самый поверхностный взглядъ на содержаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ достаточенъ для того, чтобы рѣшить, что не Русскими событіями умножена лѣтопись Византійско-Болгарская, а напротивъ лѣтопись Русская событіями Византіи и Болгаріи. Отъ чего же эти добавки Византійскія и Болгарскія прекращаются на 943 годѣ? (Далѣе слѣдуютъ только такія сказанія о дѣлахъ Византійскихъ, которыми поясняются сказанія о Русскихъ дѣлахъ). Отъ того, сказать можно, что до этого года продолжалась та Византійско-Болгарская лѣтопись, которою пользовался Русскій лѣтописецъ. Но какой же Русскій лѣтописецъ могъ пользоваться Византійско-Болгарскою лѣтописью, оканчивающеюся на половинѣ X вѣка? Какой Русскій лѣтописецъ времени напр. Владиміра святого или Ярослава и т. д., дополняя свою лѣтопись событіями Византіи и Болгаріи до половины X вѣка, былъ бы принужденъ на этихъ годахъ разомъ прекратить этого рода дополненія, и отъ чего? Отъ чего никто изъ лѣтописцевъ Русскихъ древнихъ не продолжалъ этого способа обогащать лѣтопись любопытными данными? Отъ того, что не считалъ нужнымъ. Слѣдовательно прежде это могло считаться нужнымъ? Когда же прежде, какъ не тогда, когда старая Русская лѣтопись могла быть доведена только до половины X вѣка, не позже времени Святослава?

II. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажется несомнѣннымъ, что первые образцы лѣтописей, въ подраженіе которыхъ стали у насъ составлять Русскія лѣтописи, явились къ намъ изъ Греціи, что древнѣйшія изъ нашихъ лѣтописей были сколки съ лѣтописей Византійскихъ. Многія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе, по видимому, неопровержимо. Да и можно ли отказать отъ убѣжденія, что съ принятіемъ всѣхъ началъ христіанской образованности отъ Грековъ наши предки у Грековъ должны были искать и образцовъ для произведеній искусства и науки, должны были искать, и дѣйствительно искали и находили? Впрочемъ, ни сколько не ослабляя въ себѣ этого убѣжденія, достойнаго полной довѣренности и непоколебимаго никакимъ сомнѣніемъ, можно вмѣстѣ съ нимъ неразрывно до-

пустить и другое убѣжденіе, не менѣе справедливое и оправдываемое здравымъ смысломъ, что и Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, хотъ сколько-нибудь должны были чувствовать потребности духовныя и удовлетворять имъ сами по себѣ, независимо отъ помощи болѣе образованныхъ сосѣдей. Въ числѣ этихъ потребностей одна изъ самыхъ главныхъ есть память прошлаго и стремленіе увѣковѣчить эту память преданіемъ и письмомъ (принимаю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ). Помнить достойныя памяти событія, передавать разсказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, утверждать воспоминаніе о нихъ какими бы то ни было знаками — насыпями или грудями камней, рѣзами или чертами на деревѣ, на камнѣ, на тѣлѣ своемъ, на металлѣ, на кожѣ или бумагѣ — такъ естественно, такъ необходимо, такъ обще всюду было, есть и будетъ, какъ естественно, необходимо и обще людямъ сообщаться другъ съ другомъ посредствомъ дара слова. Тутъ зачало не только всѣхъ возможныхъ памятниковъ, нарисей, записей, лѣтописей, но и самыхъ искусственныхъ и сложныхъ видовъ повѣствованій. Формы заимствуются, переносятся изъ странъ въ страны, распространяются какъ и мысли; но могутъ и должны являться и независимо, сами собою безъ заимствованія. Чѣмъ проще и естественнѣе мысль или форма, тѣмъ труднѣе доказать, что она занята, тѣмъ легче предполагать, что она порождена естественною потребностью. Что же естественнѣе какъ замѣчать происшествія однѣ за другими по порядку времени, и пользоваться для этого тѣмъ пособіемъ, какое выгоднѣе, сподручнѣе? Что же для этого выгоднѣе и сподручнѣе таблицы, въ которой впередъ занесены годы въ порядкѣ одни за другими; въ которой стоитъ только записывать, что когда случилось, на сколько есть мѣсто и на сколько нужно не забыть случившагося? Лишь бы была такая таблица подъ рукою. А что такія таблицы были въ ходу у нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, это доказываютъ ряды годовыхъ цифръ безъ всякихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ряды цифръ, иногда очень изрѣдка прерываемыя замѣтками. Вотъ примѣръ перечета лѣтъ съ рѣдкими замѣтками изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: — Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ... Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395.

Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406 идоша Угри мимо Києвъ горою....» Такихъ пустыхъ годовъ безъ лѣтописныхъ замѣтокъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ 107 изъ 259 лѣтъ (отъ 6360 до 6618), а въ 1-й Новгородской изъ первыхъ 97-и лѣтъ, въ ней сохранившихся (отъ 6525 до 6622) — 47. Записыванье пустыхъ цифръ лѣтъ безъ замѣтокъ соблюдено во всей Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ послѣдній годъ, занесенный одною цифрой есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолженіи Повѣсти временныхъ лѣтъ господствуетъ таже форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господствуетъ и въ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ занесены безъ событій годы 6647, 6722, 6724, 6726, 6728, 6730, 6747, 6752, 6775, 6783. Она господствуетъ и въ 1-й Новг., гдѣ даже начальные годы XIV в., 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ. Конечно, съ теченіемъ времени неопущеніе пустыхъ годовыхъ цифръ могло остаться, какъ простое слѣдствіе обычая, иногда удерживаемаго даже противъ желанія (какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ при пустыхъ годахъ: «тишина бысть, мирно бысть, ничего не бысть»); но въ началѣ, первую причину ихъ занесенія не могло быть, кажется, ничто другое, кромѣ табличной формы лѣтописей. Погодные таблицы, примѣненные къ кругу церковныхъ праздниковъ, ежегодно измѣняющихся во времени, были занесены къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ Греціи; но таблицы, а не образцы лѣтописей. Погодные таблицы Русскія могли быть начаты и прежде появленія таблицъ церковныхъ — таблицы инаго рода, съ цифрами не годовъ отъ сотворенія міра, а съ какими-нибудь другими. Въ этихъ таблицахъ записывали событія у годовъ, когда онѣ случились, минуя безъ замѣтокъ годы, подъ которыми записать было нечего, записывали коротко, не думая о связи событій: таковы были наши первыя лѣтописи, какъ видимъ и въ ихъ передѣлкахъ послѣдующаго времени, умноженныхъ различными вставками. Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такія лѣтописи были въ ходу у Грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣя-

тельность лѣтописная? Развѣ изъ такихъ Греческихъ лѣтописей дѣлали послѣ выписки тѣ изъ нашихъ лѣтописцевъ, которыми впервые пришлось задуматься надъ возможностью придать Русскимъ воспоминаніямъ о прошломъ болѣе жизни и достоинства внѣшняго? Образцы Греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, ихъ пересмотра и изученія для того, чтобы начать свои замѣтки.

Несомнѣннымъ кажется мнѣ, что у насъ было въ этомъ отношеніи то же, что и на западѣ Европы. Требованія историческаго искусства проникли тамъ на сѣверъ съ юга довольно рано: онѣ отразились уже на повѣствованіяхъ Іорнанда въ VI вѣкѣ, такъ же какъ послѣ на повѣствованіяхъ Григорія Турскаго, Фредегара, Льва Діакона и т. д. И однако монастырскіе лѣтописцы долго не слѣдовали этимъ образцамъ, а заносили замѣтки о событіяхъ въ погодныя таблицы безъ связи, безъ подробностей, минуя цѣлые ряды лѣтъ безъ всякихъ замѣтокъ. Сравнивая эти лѣтописи съ нашими, не найдемъ въ формѣ никакой разницы. Только постепенно лѣтописи этого рода приобрѣтали тамъ ту занимательность подробностей и связности событій, за которою наконецъ должна была скрыться ихъ первоначальная сухость и безжизненность; только постепенно дошли онѣ до такой послѣдовательности въ разсказѣ, какова напр. въ запискахъ Титмара или Гельмольда. Не разомъ у нихъ явились «повѣсти временныхъ лѣтъ». Не разомъ могли онѣ явиться и у насъ. Не даромъ наша Повѣсть временныхъ лѣтъ взята за основаніе очень многими другими лѣтописцами, какъ трудъ лѣтописца, который, воспользовавшись безсвязными замѣтками прежняго времени, разсказами современниковъ, житіями, актами, и тѣмъ, что вычиталъ у писателей Византійскихъ, придалъ своему разсказу связность и занимательность, жизнь и достоинство, подобно Козьмѣ Пражскому у Чеховъ или Мартыну Галлу у Поляковъ *). Онъ указалъ высокій образецъ для подражанія

*) Chronicon Bohemorum Козьмы Пражскаго представляетъ также перечень лѣтъ, съ 894 до 1125, безъ пропуска лѣтъ, подъ которыми нечего было записать. Ряды пустыхъ лѣтъ очень значительны, напр. съ 895 до 929, съ 933 до 967 и т. п.

другимъ лѣтописцамъ, и тѣмъ болѣе былъ цѣнимъ, что ему трудно было подражать. Изъ его современниковъ и ближайшихъ послѣдователей не нашлось ни одного, кто бы составилъ такую же лѣтопись о томъ же времени, — и потому онъ остался не только первымъ, но и единственнымъ: его переписывали и продолжали всюду, гдѣ могли имѣть его книгу и умѣли цѣнить безпристрастно ея достоинство. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ пересказывалъ событія всегда своими словами. Очевидно напротивъ, что онъ вносилъ въ свою лѣтопись описанія событій такъ, какъ находилъ ихъ въ избранномъ источникѣ, только связывалъ ихъ въ одно цѣлое, на сколько это было возможно: тутъ есть величайшая заслуга какъ лѣтописца, вѣрнаго своему призванію, понятая послѣдователями и потому принятая за образецъ. Сохраняя все, какъ нашелъ, онъ принужденъ былъ внести въ свою лѣтопись и краткія замѣтки прежнихъ лѣтописцевъ иногда безъ всякихъ дополненій, безъ возможности соединить ихъ въ одно цѣлое съ описаніями событій прежнихъ и послѣдовавшихъ. Отдѣливши же изъ его лѣтописи все, что прибавлено имъ, или послѣ него, лишь бы сумѣли сдѣлать это, мы получимъ значительную часть состава древнихъ лѣтописей, необильныхъ подробностями, сжатыхъ въ изложеніи, отрывочныхъ въ составѣ, но правдивыхъ, и все-таки лѣтописей, гдѣ замѣтки о событіяхъ были внесены въ погодныя таблицы.

Эти таблицы могли быть и церковныя, съ годами отъ сотворенія мира; могли быть и нецерковныя, съ годами напр. княженія каждаго князя и т. п. Какія же были онѣ у насъ первоначально? Мнѣ кажется, таблицы годовъ по княженіямъ или иныя въ этомъ родѣ. Это видно изъ слѣдующаго:

— Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первую годовую цифру находимъ при общемъ перечнѣ лѣтъ: «Въ лѣто 6360 индикта 15-к, наченію Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русъка земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ Лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ, — яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2240 и 2»... А отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова Рускаго князя лѣтъ 29; а

отъ перваго лѣта Ольгова, понеже сѣде въ Къѣмвѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8» и пр. У составителя этого перечня лѣтъ или того прежняго перечня, по которому составленъ этотъ, очевидно, была хронологическая таблица лѣтъ отъ сотворенія міра съ отмѣтками нѣкоторыхъ происшествій Византійскихъ и—списокъ происшествій Русскихъ по годамъ княженій: его дѣломъ было приравнить годы княженій къ годамъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавши это, онъ перемѣнилъ хронологическую сѣтъ одну на другую, и далъ лѣтописи новый видъ. Ясно, что и прежде она имѣла видъ лѣтописи.

— Остатками хронологической сѣти по годамъ княженій могутъ считаться и слѣдующія замѣтки въ самой лѣтописи: —

1. Подъ 6420 (912), гдѣ описана смерть Олега, сказано: и бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33». Замѣтимъ, что, по перечню, Олегъ княжилъ въ Кіевѣ 31 годъ; конечно, это не ошибка: Олегъ умеръ осенью 6420—6421 года, это было его послѣднее 31-е лѣто, слѣдовательно первое лѣто въ 6390-мъ году, т. е. лѣтомъ 6390 года Олегъ предпринялъ походъ на Смоленскъ и Любечъ, и успѣлъ овладѣть Кіевомъ уже передъ зимою. Что же касается до 33-хъ лѣтъ княженія Олега, то счетъ начинается отъ года смерти Рюрика съ 6387-го («Умершу Рюрикови предасть княженъе свок Ольгови»), а не съ 6391. —
2. Подъ 6453 (945) годомъ читаемъ: «Княжи Игорь лѣтъ 34, съ Ольгою лѣтъ 43». Этотъ счетъ сдѣланъ независимо отъ годовъ, указанныхъ въ лѣтописи: по лѣтописи Игорь женился на Ольгѣ въ 6411, сталъ княземъ въ 6421, а умеръ въ 6453 г., слѣдовательно жилъ съ Ольгою, по видимому только 42 года, а княжилъ только 32, а не 34. По перечню, Игорь княжилъ 33 года, какъ и было: Олегъ умеръ осенью 6421 года, — и тутъ начался счетъ лѣтъ княженія Игоря; въ 6453-мъ, когда погибъ Игорь, была послѣдняя 33-я осень его княженія. —
3. Подъ 6480 (972) годомъ читаемъ: «И всѣхъ лѣтъ княженъи Святослава лѣтъ 20 и 8». Такъ означено и въ перечнѣ. Отнеся смерть Святослава къ 6480-му году, лѣтопи-

сецъ долженъ бы по этому считать начало княженія Святослава съ 6452 года; но въ этомъ году еще жилъ Игорь, гибшій въ 6453, а «начало княженія Святослава» поставлено въ лѣтописи подъ 6454-мъ, гдѣ отмѣченъ и первый его подвигъ противъ Древлянъ: «князь уже почалъ». Игорь погибъ лѣтомъ 6453; 6453-мъ годомъ начался счетъ княженія Святослава; конецъ лѣта 6453 года было первое лѣто княженія Святослава, а начало лѣта 6480 года, когда Святославъ, послѣ зимовки у береговъ Черноморскихъ, пошелъ въ верхъ по Днѣпру къ порогамъ, было 28-е.

— Остаткомъ хронологической сѣти по годамъ княженій считать можно и занесеніе двухъ *первыхъ* появленій Печенеговъ въ землѣ Русской, одного послѣ другого спустя 53 года, какъ замѣчено было выше.

Со счетомъ лѣтъ по княженіямъ могъ соединиться и даже быть главнымъ какой нибудь другой счетъ, теперь уже утраченный; этого отвергать покуда невозможно.

III. Древность не оставила намъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ которомъ бы всѣ факты сведены были вмѣстѣ; самые подробные своды неполны. И эта неполнота лѣтописей относится къ самому древнему времени, не только къ X вѣку, но и къ IX. Такъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ недостаетъ — подъ 6360 (952)—о походѣ Русскихъ съ Бравалиномъ на Грековъ къ Херсону, Корчеву и Сурожу, — подъ 6370 (862) — о возстаніи Кривичей, Славянъ, Чюди, Мери противъ Варяговъ, въ слѣдствіе чего призваны были братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, — подъ 6372 — о смятеніи Новгородцевъ, о смерти Вадима, объ убіеніи Оскольдова сына въ Болгаріи, — подъ 6373 — о рожденіи Игоря, о походѣ Оскольда и Дира на Полочанъ, — подъ 6375 — о возвращеніи Оскольда и Дира въ Кіевъ, о побѣдѣ ихъ надъ Печенѣгами, о бѣгствѣ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ, и т. п. — Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно свидѣтельствуешь, что отъ самага древняго времени лѣтопись велась у насъ не одна. Тоже свидѣтельствуешь и разнообразіе счета лѣтъ, какъ отчасти было уже показано. Есть отличія въ самомъ изложеніи событій. Такъ подъ 6370 годомъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «изъ-

брашася 3 брата съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. Старѣиши Рюрикъ (сѣде въ *Новъградѣ*), а другыи Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворь.... По дву же лѣту.... приа власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады». Тоже въ Ипатьевскомъ спискѣ иначе: «Избрашася трик брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ *Словяномъ* и *срубиша городъ Ладогу* и сѣдѣ старѣиши въ *Ладогѣ*.... По дѣвою же лѣту.... приа Рюрикъ власть всю одинъ, и *пришедѣ къ Ильмерю*, и *сруби городъ надъ Волховомъ*, и прозваша и Новгородъ, и сѣде ту князя и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити». — Есть и явные слѣды списыванья въ одну лѣтопись изъ двухъ различныхъ. Такъ подъ 6453 годомъ, повторяемымъ три раза, читаемъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ при концѣ одной записки: И приспѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Деревляны, хотя примыслити бѣльшую дань»; въ началѣ второй: «Въ се же лѣто рекоша дружина Игоревы: Отроки Свѣнльжи (= Свенделжи) изодѣлися судъ оружьмъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань. да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Древа въ дань...»

Большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева: изъ этого можно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ. Есть еще намеки, что лѣтопись издревле велась и въ области Волынской: въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ Древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнелда въ землѣ Уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистишѣ сынѣ Свѣнелда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской. Значительность этихъ намековъ увеличивается показаніями послѣдующаго времени. Теперь уже трудно отдѣлить первоначальныя части лѣтописей Новгородскихъ и Кіевскихъ, не только Волынскихъ или какихъ другихъ; но заключеніе, что лѣтописи велись независимо въ разныхъ краяхъ Руси и по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, должно остаться неоспоримымъ.

Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, что за люди были первые лѣтописцы. Скорѣе всего, это были особы духовныя: такое предположеніе оправдывается и счетомъ лѣтъ отъ сотворенія міра. Едва ли впрочемъ оно можетъ быть принято исключительно. Тутъ вспомнимъ, что разногласіе постановки событій по лѣтамъ отъ сотворенія міра и по лѣтамъ княженій позволяетъ думать, что хоть нѣкоторые изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей были составляемы по годамъ княженій каждаго князя, какъ было и на западѣ Европы. Кромѣ того, особы духовныя не опустили бы изъ лѣтописи обстоятельствъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи; напр. о приходѣ первыхъ учителей вѣры Христовой въ Русь, о построеніи первыхъ церквей, о построеніи той соборной церкви св. Ильи, въ которой присягала «христианамъ Русь» при заключеніи договора съ Греками въ 945, о состояніи христіанства въ Руси или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ послѣ приѣзда Ольги изъ Цареграда. Ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ до-Владимирова времени, не такъ какъ было послѣ X вѣка, когда происшествія церковныя стали быть записываемы все въ большемъ числѣ. Есть, конечно, и между замѣтками о IX—X-мъ вѣкѣ, до Владимира, нѣсколько церковныхъ (напр. повѣствованіе о подвигахъ Константина и Меѳодія, о крещеніи Оскольда и Дира, о крещеніи Ольги и пр); но всѣ онѣ носятъ на себѣ черты позднѣйшаго времени, когда уже извѣстны были источники Византійскіе и Славянскіе, когда вмѣсто немногословной отмѣтки старались уже занести цѣлый рассказъ, когда лѣтопись была уже сборникомъ разнообразныхъ свѣдѣній и выписокъ. Не менѣе важно отсутствіе въ трудахъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ всего, что выражаетъ начитанность служителя церкви, знанія Св. Писанія, церковныхъ книгъ и т. п. Все это выразилось, но позже. Сочинитель Повѣсти врем. лѣтъ былъ, вѣроятно, одинъ изъ первыхъ, примѣнившихъ свои знанія къ труду лѣтописателя, и оцѣнившихъ ихъ взглядомъ души, проникнутой истинами вѣры Христовой. Понятно, почему древнѣйшія Русскія лѣтописи, по своему содержанию, были исключительно свѣтскія, военныя. Это, конечно, вовсе не мѣшаетъ допустить, что въ написаніи лѣтописей могли принимать участіе и лица духовныя; но принимали они его не

какъ духовныя лица, а какъ болѣе образованныя. Это очень естественно для времени, когда хотя лучъ вѣры Христовой уже и проникнулъ въ Русь, но еще теплился среди язычества только для избранныхъ, между тѣмъ какъ и язычники могли нуждаться въ знаніи прошедшаго. Указанія на то, что лица недуховныя принимали участіе въ составленіи лѣтописей къ послѣдующее время, сдѣланы уже давно и съ полной очевидностью.

Изъ какого народа были наши древнѣйшіе лѣтописцы? Были ли это такіе же Русскіе, каковы и мы теперь, наши предки? или же чужеродцы? Вопросъ безотвѣтный, если его не подставить другимъ, болѣе осязательнымъ. На какомъ языкѣ и для кого были писаны эти лѣтописи? А при такой постановкѣ вопроса, на отвѣтъ трудно задуматься. Очевидно, онѣ писаны на языкѣ, который Русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для Русскихъ. Писали ли сами Русскіе, или же Варяги, Греки, Болгары—все равно, лишь бы писали для Русскихъ, по Русски, о томъ, что нужно было Русскимъ; а что такова была цѣль лѣтописей и древнѣйшихъ, какъ и лѣтописей послѣдующаго времени, это такъ очевидно для всякаго, кто читалъ лѣтописи или ихъ новыя передѣлки, кто знаетъ ихъ содержаніе хоть изъ историческихъ учебниковъ, что едва ли и на мысль кому бы то ни было можетъ взойти какое нибудь сомнѣніе. И тутъ огромная разница между лѣтописями западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ предковъ и современниковъ, необлеченныя въ поэтическія формы пѣсень и сагъ, сколько ни были народны по содержанію, по своему чужеродному языку, латинскому, долгое время оставались чуждыми народу. Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописямъ Англосаксонской и Бретонской избѣгли этой общей участи.—Но какъ же могло быть, что лѣтописи, заключившія въ себѣ замѣтки о дѣлахъ военныхъ, были писаны на языкѣ Славянъ Русскихъ, тогда какъ военныя дружины, которыхъ славу онѣ увѣковѣчивали, были не Славяне, а чужеродцы Скандинавскіе? Не скорѣ ли могло случиться, что подвиги витязей были бы для нихъ и для ихъ потомковъ записаны на ихъ собственномъ языкѣ? И однако нѣтъ и слѣдовъ того, что Русскія лѣтописи были когда

нибудь писаны не по Русски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и догворы съ Греками, съ ними одновременные, переведены были съ Греческаго на какой нибудь другой языкъ, кромѣ Славянскаго, или что писалось на Руси для Русскихъ что бы то ни было не по Славянски. Конечно, все это было не безъ причинъ и, безъ сомнѣнія, причинъ важныхъ, какъ не безъ причинъ было и то, что наур. Франки и Норманы утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ Романцевъ, или что Болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ Славянахъ.... Легко изобрѣтать вопросы и предположенія, но не легко проникать въ тьму прошедшаго, о которомъ осталось такъ мало свидѣтельствъ.

Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что — если вѣрны предъидуція соображенія — едва только успѣли осѣсть Варяжскія дружины въ землѣ Русской, едва только успѣли утвердить свою воинскую славу, какъ уже пишется лѣтопись о ихъ дѣлахъ на языкѣ для нихъ чуждомъ.

И такъ въ X-мъ вѣкѣ, даже до Владимира святаго и во время его, были у насъ лѣтописи и лѣтописцы; была слѣдовательно нужда имѣть ихъ, и былъ обычай сберегать эти лѣтописи, иначе бы онѣ не сбереглись; была письменность хоть въ тѣсномъ кругу*....

*) Это первое, вступительное, чтеніе о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ было уже напечатано (въ Изв. 2 отдѣленія за 1854 г. III: 49—66). Здѣсь онъ перепечатывается для того, чтобы не повторять другими словами того, что въ ней сказано. Небольшія перемѣны, въ немъ допущенныя, касаются не основныхъ мыслей о лѣтописи первоначальной, высказанныхъ мною прежде въ другомъ изслѣдованіи (въ Изв. за 1853 г. II: 18—27), а только лѣтописей послѣдующаго времени.

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ.

СОДЕРЖАНИЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ X ВѢКА.

Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались первые про
блески высшей дѣятельности въ народѣ образующемся въ срав
неніи съ блескомъ той же дѣятельности въ томъ же народѣ
черезъ нѣсколько вѣковъ, они всегда будутъ многозначительны
для ума, слѣдящаго за судьбами народа не по домысламъ во
ображенія и заранѣе принятыхъ убѣжденій, а съ твердымъ
желаніемъ проникнуть въ истину. Какъ бы ни мелочны и без
цвѣтны казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ
отразились эти проблески жизни давноминувшей, они могутъ
принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуж
дая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. А не
льзя не желать дойти между прочимъ и до опытовъ возстано
вленія древнихъ лѣтописей до-Владимировскихъ если и не до
словнаго, что (въ слѣдствіе тѣснаго соединенія первоначаль
ныхъ замѣтокъ лѣтописныхъ съ преданіями и измѣненіями
позднѣйшаго времени) иногда рѣшительно невозможно, то по
крайней мѣрѣ приблизительнаго, изъ котораго бы хоть сколько
нибудь виденъ былъ кругъ понятій лѣтописцевъ, а слѣдова
тельно и ожиданій тѣхъ, для кого они трудились. Пусть первые
попытки будутъ и не удачны: ужели это должно устрашать ра
ботающихъ? Странно было бы, еслибъ люди, трудящіеся для
науки, руководствовались только желаніемъ выказывать свою
непогрѣзительность и боязнію быть пристыженнымъ за неиз
бѣжныя ошибки. Позволяю себѣ такую попытку.

Что именно было въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ прежде, чѣмъ онѣ видоизмѣнились подъ руками лѣтописцевъ XI—XII вѣка? Критика историческая не можетъ оставить въ сторонѣ этого вопроса, и отвѣчая на него, должна отдѣлать изъ состава лѣтописей всѣ вставки учености: т. е. а) выписки изъ Византійскихъ лѣтописей и другихъ книгъ историческаго содержанія, б) акты, в) тексты священнаго писанія, г) соображенія хронологическія, этнографическія и географическія.

За тѣмъ останутся: 1. собственно лѣтописныя показанія, и 2. преданія. Однѣ отъ другихъ отличаются болѣе всего изложеніемъ: въ преданіяхъ есть расказъ; въ показаніяхъ лѣтописныхъ его нѣтъ или почти нѣтъ. По этому отличительному признаку можно отдѣлать ихъ однѣ отъ другихъ часто довольно легко; впрочемъ не всегда. Кое гдѣ преданіе занесено такъ коротко, что не отличается ни чѣмъ отъ лѣтописнаго показанія. Съ другой стороны и между лѣтописными показаніями есть такія, которыя занесены въ лѣтопись не современникомъ, а позже, или же и современникомъ, но въ формѣ эпической или даже драматической. Нельзя отвергнуть, что для полнаго разрѣшенія задачи, какія изъ показаній несомнѣнно, соображенія критики не всегда могутъ быть достаточны, и что въ такомъ случаѣ приходится руководиться чутьемъ, слѣдовательно не всегда удачно.

Въ обзорѣніи содержанія древнѣйшихъ лѣтописей нашихъ, которое здѣсь представляется, не исключены преданія и дано мѣсто лѣтописнымъ показаніямъ всѣмъ безъ исключенія *).

Древнѣйшія изъ преданій, вошедшихъ въ лѣтописи, суть:

— 1. О томъ, что Славяне когда то жили «по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Оугорьска земля и Болгарьска», до тѣхъ поръ пока не нашли на нихъ Волохи: «Волъхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія сѣдшемъ на нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни» разошлись въ разныя земли. Особенно важно въ этомъ преданіи память о нашествіи Волоховъ т. е. Римлянъ, на при-Дунайскія страны; а народность этого воспоминанія доказывается именемъ Волоховъ, одинаково и издревле народнымъ и у

*) Кромѣ показаній такъ называемой Іакимовской лѣтописи.

Славянъ и у Нѣмцевъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, именемъ, которое у западныхъ Славянъ и теперь употребляется для означенія Итальянцевъ (Чеш. Влахи, Поль. Влохи). Съ этимъ воспоминаніемъ въ связи стоитъ и преданіе о Троянѣ.

— 2. О давнихъ путяхъ изъ земель Русскихъ владѣній въ другія земли: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти вънйти въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ, и вѣтечь въ озеро великое Ново (Нево), того (же) озера вънидеть оустье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Црю городу, а отъ Цря города прити въ Понотъ море, въ не же втечь Днѣпръ рѣка». Для своего времени, это припоминаніе было, конечно, не столько преданіемъ, сколько фактомъ жизни; впрочемъ могло быть и преданіемъ, напоминавшимъ о давности морскихъ путей.

— 3. Объ апостолѣ Андрѣе первоозванномъ: «Онѣдрѣю учацю, ...проиде въ оустье Днѣпрское, оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключая приде и ста подѣ горами на березѣ. Заутра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ оученикомъ: Видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ (быти) и церкви многы Богъ въздвигнути имать. Въшедъ на горы сия, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣ же бысть Кыевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новѣгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощются, и удивися имъ. Иде въ Варягы, и приде въ Римъ, исповѣда елико наоучи, и елико видѣ, и рече имъ: Дивно видѣхъ Словѣньскую землю. Идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережъгутъ е рамяно, совлокуться, и будутъ вази, и облѣются квасомъ оуснианымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьются сами, и того ся добьютъ, егда вълѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако ожиють, и то творять по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Нельзя, можетъ быть, отвергать, что въ этомъ преданіи, какъ оно занесено въ Повѣсть времен. лѣтъ, есть и доля книжнаго вліянія; но нельзя, кажется, вполне отвергать и его народныхъ оттѣн-

ковъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ обычаямъ сѣверной Руси, отличнымъ отъ обычаевъ Руси южной. Употребленіе такихъ бань, какія тутъ описаны, и до сихъ поръ составляетъ особенность сѣверной Руси.

— 4. Объ основаніи Кіева и о Кіѣ: — «Быша ꙗ́ братья, единому имя Къи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Къи на горѣ, гдѣ же нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щекловица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревича. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Къиевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь... Къи княжаше въ родѣ своемъ. Приходившю ему ко ꙗ́рю, якоже говорятъ, яко велику честь приялъ отъ ꙗ́ри, при которомъ приходилъ ꙗ́ри. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеву, възлюби мѣсто, и срубилъ градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи, еже и донинѣ наричють Ду(на)ици городице Къиевецъ». Можетъ быть, здѣсь соединены два отдѣльные преданія: одно Русское, мѣстное Кіевское, и другое Дунайское, которое могло быть принесено къмъ нибудь изъ Болгаръ.

— 5. О Дулѣбахъ и Обрахъ: «Си же Обръ воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ. Аще поѣхати будяше Обърину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но велыше въпрячи ꙗ́. ли д̄. ё. ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна. Тако же мучаху Дулѣбы. Быша бо Обръ тѣломъ велици и оумомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остана ни единъ Объринъ. Есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обръ, ихъ же нѣсть племени ни наслѣдка». Это важное преданіе, напоминающее слово обръ (Чеш.)=оборъ (Луж.)=обримъ (Поль.) въ значеніи исполина, великана, напоминаетъ и о сказаніи Фредегара (гл. 48) о насиліяхъ Аваровъ надъ Славянами.

6. О древнихъ княжествахъ послѣ Кіа: «По сихъ братья държати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ. Въ Древяхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ... По смърти братьѣ сея (Поляне) быша обидими Древями (и) инѣми окольними».

— 7. О поднѣстровьи: «Улучи (Оулучи, Оулутичи = Оугличи) Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по (Бугу и по) Днѣстру оли до моря. Суть гради ихъ и до сего дне». Это важное преданіе соотвѣтствуетъ Византійскимъ сказаніямъ объ Антахъ, замѣткѣ Баварскаго географа объ Унличахъ (Unlizi populus multus, civitates 318) и отчасти Арабскимъ припоминаніямъ о Славянахъ югозападной Руси.

— 8. О Радимѣ и Вяткѣ: «Бяста бо в брата въ Лясѣхъ, (единому имя) Радимъ, а другому Вятко, и пришедша сѣдоста, Радимъ на Съжю, (отъ него) прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

— 9. О приходѣ Козаръ къ Кіеву: — «По смерти братьѣ сея... наидоша я (Полянѣ) Козарѣ сѣдьящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: Платите намъ дань. Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Козари ко князю своему и къ старѣшинамъ и рѣша имъ: Се налѣзохомъ дань нову. Онъ же рѣша имъ: Отъ куду. Они же рѣша: Въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою. Они же рѣша: Что суть въдали. Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстии: Не добра дань, княже. Мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбьсться все... яко же быеть: володѣютъ Козары Русьскыя и до днешнего дне». Съ этимъ преданіемъ связано лѣтописное показаніе 6367 (859) года: «Козари имаху дань на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма».

— 10. О посадникѣ или старѣшинѣ Новгородскомъ Гостомыслѣ: «Словѣни же сѣдоша около озера Ильмеря... сѣдѣлаша градъ и нарѣкоша Новъ городъ и посадиша старѣшину Гостомысла» (Соф.). О Гостомыслѣ же сказано, какъ о Новгородскомъ старѣшинѣ предъ призваніемъ Рюрика съ братьями Воскр.).

— 11. О древней дани Чуди, Славянъ, Мери и всѣхъ Кривичей Варягамъ заморскимъ, а Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей Козарамъ. Что замѣтка объ этой дани не есть только лѣтописное

сказаніе, но и преданіе, видно, мнѣ кажется, изъ того, что лѣтописецъ употребилъ многократное «имаху», а не однократное «яша»: «имаху по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма». Какъ преданіе, замѣтка эта очень важна по представленію всей Руси, кромѣ югозападной, подъ игомъ чужеземцевъ.

— 12. О приходѣ Руси Варяжской: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ (Лавр.). Вѣсташа Кривичи и Словѣне и Чюдъ и Мери на Варягы и изгнаша я за море и не даша имъ дани» (Соф.). И почаша сами въ собѣ володѣти. И не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси... Рѣша Руси Чюдъ, Словѣни и Кривичи вси: Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидете княжить и володѣти нами. И избрашася г' братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. Старѣишии Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другыи Синеусъ на Бѣлѣ Озерѣ, а третии Изборстѣ Труворъ (Лавр.) = И придоша къ Словѣномъ пьрвое, и срубиса городъ Ладогу и сѣде старѣишии въ Ладозѣ Рюрикъ» и т. д. (Ипат.). Это преданіе отнесено къ годамъ 6367—6370: взиманіе дани Варягами къ 6367 (859), а изгнаніе ихъ и приходъ Рюрика съ братьями къ 6370 (862). Тутъ преданіе соединено съ лѣтописнымъ показаніемъ.

— 13. Объ Оскольдѣ и Дирѣ:—Бяста оу него (Рюрика) в' мужа не племени его ни боярина, и та испросистася ко Ц'рюгороду съ родомъ своимъ. И поидоша по Днѣпру, и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градокъ, и оупрашаста, рѣста: Чии се градокъ. Они же рѣша: Была суть г' братья, Къицъ, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ и изгыбоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ. Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и мнози Варягы скуписта и начаста владѣти Польскою землею». Это преданіе отнесено къ 6370 году (862).

Приходомъ Варяговъ Руси въ Новгородъ и Кіевъ начинается рядъ лѣтописныхъ показаній, съ которыми и далѣе въ лѣтописяхъ соединяются пересказы преданій. Тѣ и другія, по отношенію къ годамъ, къ которымъ отнесены, отдѣляются группами.

1-я группа: 6367 — 6375 (859 — 867).

— 6367. «Имаху дань Варязи и Козари».

— 6370. «Въсташа Кривичи, Словене» и пр. — «Идоша за море къ Варягомъ. Избрашася г. братья» и пр.

— 6372. «Оскорбѣша Новгородѣци. Уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ. Убиенъ бысть отъ Болгаровъ Оскольдовъ сынъ». (Ник.).

— 6373. «Преставистася Синеусъ и Труворъ (Въ Пов. врем. лѣт. сказано подъ 6370, что С. и Т. умерли чрезъ два года послѣ прихода). — «Аскольдъ и Диръ испросистася Црюграду... Воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла створиша (Ник.). (Подъ этимъ же годомъ въ Ник. сказано, что «родися Рюрику сынъ и нарече имя ему Игорь»: это кажется позднѣйшей перестановкой теперь уже затеряннаго даннаго).

— 6374. «Иде Аскольдъ и Диръ на Грекъ»: (Срав. Куника R: 338 и пр., — Крузе: 318).

— 6375. «Възвратистася Аскольдъ и Диръ отъ Цря града въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Къевѣ плачь велии. — Бысть въ Къевѣ гладь велии. — Избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Къевъ много Новгородскихъ мужъ. — Избиша множество Печенѣгъ Аскольдъ и Диръ» (Ник.).

2-я группа: 6387 — 6393 (879 — 885).

— 6387. «Умершю Рюрикови предасть княжене свое Ольгови, отъ рода ему суца, вѣдавъ ему сынъ свои на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми». (Къстати замѣтимъ, что если бы Игорь родился въ 6373, какъ показано въ Никон. лѣт., то ему бы теперь было 14 лѣтъ).

— 6390. Поиде Олегъ, поимъ вои многи, Варягы, Чюдь, Словени, Мерю и всѣ Кривичи, и приде къ Смольнску съ Кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои. Отътуда поиде въ низъ и взя Любечъ и посади мужъ свои. Придоста (Олегъ съ Игоремъ) къ горамъ Къевскимъ». Тутъ сообщены преданія о томъ, какъ Олегъ захватилъ Аскольда и Дира и убилъ, гдѣ они погребены, какъ началъ Олегъ княжить въ Къевѣ, на-

ложивъ дани на разныя земли, между прочимъ и на Новгородъ, и какъ началъ ставить города.

— 6391. «Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ и имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ».

— 6392. «Иде (Олегъ) на Сѣверяны, и побѣди, и възложи на ня дань легъку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: Азъ имъ противенъ, а вамъ нечему».

— 6393. «Посла (Олегъ) къ Радимичемъ рька: Камо дань даете. Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: Не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови по шягу (отъ рала), яко же Козаромъ даяху». Тутъ же замѣчено въ лѣтописи, что Олегъ съ Уличи и Тѣверци имаше рать».

3-я группа: 6406 (898).

— «Идоша Угри мимо Къевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Оугорское. Пришедъше къ Днѣпру, и сташа вежами. Въ Повѣсти вр. лѣтъ отмѣчено при этомъ: «Бѣша бо ходяще, аки се Половци». Далѣе объ Уграхъ: «Пришедъ отъ вѣстока и устремшася черезъ горы великыя, и почаша воевати на живуцая ту Волъхи и Словѣни».

4-я группа 6411 (903).

— «Игореви приведоша жену отъ Пльскова именемъ Ольгу» (Святославъ Игоревичъ сынъ Ольги родился послѣ этого черезъ 40 лѣтъ, въ 6450 году: см. ниже. Можетъ быть, что женитьба Игоря на Ольгѣ отнесена къ этому времени ошибкой).

5-я группа 6415 — 6423 (907 — 915).

— 6415. «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставивъ Къевѣ... и приде къ Црю-граду... и оубояшась Греци... и заповѣда Олегъ дань даяти... и уклады на Русскыя города»... Въ этомъ мѣстѣ лѣтопись передаетъ многое по преданіямъ. (Вставлены отрывки договора съ Греками).

— 6419. «Иъвися звѣзда велика на западѣ конѣйнымъ образомъ».

— 6420. «Посла Олегъ мужи свои построити мира и положить ряды межи Греки и Русью». (Договоръ писанъ мѣсяца

сентября во 2, въ лѣто созданія міру 6420). Прибавлено преданіе о дарахъ Греческихъ и о смерти Олега съ упоминаніемъ о волхвахъ и кудесникахъ.

— 6421. «Поча княжити Игорь по Ользѣ. Деревляне заратишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти».

— 6422. «Иде Игорь на Древляны, и побѣдивъ возложи на ня дань большю Ольговы. (Лавр.). Бѣ у него воевода именовъ Свентелдъ и примучи Углеци... И не владышется единъ градъ именовъ Пересѣченъ, и сѣде около его глѣта и едва взя и» (Соф).

— 6423. «Придоша Печенѣзи первое на Русскую землю и створивше миръ съ Игоремъ идоша къ Дунаю».

6-я группа. 6428 (920).

— «Игорь воеваше на Печенѣгы».

7-я группа. 6449 — 6455 (941 — 947).

— 6449. «Игорь иде на Греки... и брани межю ими бывши зъли, одва одолѣша Гръци ихъ... Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ мнози, и посла по Варягы (многы) за море, вабя е на Греки, пакы хотѣ поити на ня».

— 6450. «Родися Святославъ у Игоря».

— 6452. «Игорь же совкупивъ вои многы, Варягы, Русь, и Поляны, Словѣны, и Кривичи, и Тиверци, и Печенѣгы, и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ»... Корсунцы и Болгары дали знать объ этомъ царю. Игорь дошедши до Дуная, повоевалъ Болгарскую землю и «вземъ у Грекъ злато и паволоки на вся воя и возвратися вспять».

— 6453. «Присла Романъ и Костянтинъ и Стефанъ слы къ Игореви построить мира нерваго. Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Русскіе слы и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ (Вставленъ договоръ). Посланія же сли Игоремъ придоша къ Игореви со слы Греческими.—Слѣдуютъ подробности о заключеніи міра.—«И приспѣ осень, нача мыслити на Деревлянъ, хотя промыслити большю дань». — Тутъ же и подробное описаніе задуманнаго похода и

убіенія Игоря.—Далѣе: «Вольга же быше въ Къевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода (же) бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мъстишинъ». — Далѣе преданіе о мести Ольги.

— 6454. «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вой многы и храбры, и иде на Деревьску землю». Преданіе обитвѣ и о послѣднемъ мщеніи Ольги. «И възложи на ня дань тяжку: 2 части дани идета Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ. И иде Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки». Прибавлено: «суть становища еѣ и ловища».

— 6455. «Иде Вольга Новугороду и уставы по Мъстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани». Далѣе позднѣйшимъ лѣтописцемъ замѣчено: «Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и погосты. И сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи доселѣ».

7-я группа. 6463 (955).

— Иде Ольга въ Греки... и крестися... Бѣ же рѣчено имя ей во крещеніи Олена». Довольно подробное преданіе. Годъ невѣренъ: сравн. у Конст. Порфиророднаго.

8-я группа. 6472 — 6480 (964 — 972).

— 6472. Преданіе о бытѣ Святослава и его воевъ. Далѣе: «Святославъ иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи. И рече Вятичемъ: Кому дань даете. Они же рѣша: Козаромъ по щялягу отъ рала даемъ».

— 6473. «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козары, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася битъся. И бывши брани одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлую вѣжу взя. Ясы побѣди и Косоги».

— 6474. «Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи».

— 6475. «Иде Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеву. Съде княжа ту въ Переяславци, емля дань на Грецѣхъ»

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЧЕРТЫ БЫТА РУССКАГО НАРОДА ПО ЛѢТОПИСНЫМЪ СКАЗАНИЯМЪ X ВѢКА.

Не смотря на всю бѣдность древнихъ лѣтописныхъ записей, есть возможность извлечь изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о языкѣ, а вмѣстѣ о бытѣ и обычаяхъ того времени: стоитъ только обращать вниманіе на слова и выраженія. Представляю эти данныя въ томъ же порядкѣ, какому слѣдовалъ и въ изслѣдованіи о договорахъ съ Греками.

- I. Народъ, его бытъ осѣдлый, города и села, погосты, мѣста; занятія: хлѣбопашество и звѣриная ловля.—Семья: роды, мужъ и жена, порученье сына, уй. Положеніе женщины.
- II. Власти: князь, каганъ, мужи, людіе, рабы. Дань.
- III. Военные обычаи. Торговля, деньги, пути и судоходство.
- IV. Понятія о мирѣ, тали. Вѣра.
- V. Постановленія о рядахъ и о наслѣдствѣ.

I.

— Народонаселеніе земли, получившей названіе Русской, состояло изъ двухъ главныхъ племенъ: Славянскаго и Финскаго. Къ одному принадлежали Словѣне Ильменскіе, Кривичи, Вятичи, Радимичи, Сѣверяне, Поляне, Деревляне, Хорваты, Тиверцы, Уличи; къ другому — Чудь, Весь, Меря, Мурома. Нельзя не думать впрочемъ, что и между послѣдними жили

Славянскіе роды, судя по именамъ нѣкоторыхъ мѣстностей, каковы: Бѣло-озеро, Ростовъ (городъ Роста, какъ Ростиславль—городъ Ростислава). Главнымъ племенемъ было Славянское, или по крайней мѣрѣ Финское племя имѣло гораздо менѣ значенія для лѣтописца. Большая часть лицъ, означеннымъ именами, принадлежить, судя по этимъ именамъ, къ племени Славянскому (см. ихъ обзорѣніе ниже, въ прибавленіи). Насильники главнаго народонаселенія были Варяги, Козары, Печенѣги (съ 6375=867).

— Если не весь этотъ народъ, то по крайней мѣрѣ большая часть его вела жизнь осѣдлую, въ домахъ, занимаясь звѣриною ловлею и хлѣбопашествомъ. *Дымъ* и *рало*—печь и плугъ были представителями жизни. *Рало* (рало, орало, радло) до сихъ поръ остается общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, принадлежа впрочемъ и другимъ народамъ Европы. Одного происхожденія съ раломъ было кажется и *роля* (роля, оролье, раль) взоранное поле, нива, пашня. *Дымъ* принимался у насъ въ старину, а въ нѣкоторыхъ краяхъ остается и до сихъ поръ (см. Област. Великорус. словарь) въ такомъ же смыслѣ, какъ у Римлянъ *focus* (очагъ): отсюда и областное названіе деревень *дымницами*. Дома назывались и *вежами*. Что *вежа* значила домъ, этому служатъ доказательствомъ *вежи*, бывшія въ Коростенѣ: вспомнимъ къ стати *вежу* въ Дорогобужѣ (въ Сказаніяхъ о чудесахъ Бориса и Глѣба: чудо о Николѣ). Въ Люнебургскомъ нарѣчій значеніе *вежи* въ смыслѣ дома утвердилось исключительно (*wiso* = *визо* = *вижа*). Впрочемъ *вежею* называлась и палатка, балаганъ: Угры, шедшіе мимо Кіева, стали у Днѣпра *вежами*. Позже упоминаются *вежи* Половецкія. Вмѣстѣ съ тѣмъ *вежею* называлось и что то болѣе палатки, балагана и обыкновеннаго дома: объ этомъ отчасти можно судить по тому, что городокъ Козарскаго кагана Саркель назывался на Руси *Бѣлой вежею*: это напоминаетъ о томъ значеніи *вежи*, которое доселѣ удержалось у Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ: большая каланча, башня. — Всѣ постройки были деревянныя: упомянуть только одинъ *теремъ каменный* Ольги, стоявшій внѣ города Кіева. — Жили *дворами*. Упоминается между прочимъ о *дворѣ теремномъ* внѣ города и о *дворѣ княжемъ* въ городѣ. Въ дворахъ

помѣщались всѣ постройки, нужныя для жилья. Въ преданіи о мести Ольги надъ Коростенцами, довольно подробно обозначены эти постройки: «Вольга же раздая воемъ по голуби комуждо а другымъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (= чирь)... и повелѣ Ольга яко смерчеся пустити голуби и воробьи. Голуби и воробьеви полетѣша въ гнѣзда свои, ови въ голубьники, вробьеви же подѣ стрѣхы, и тако възгарахуса голубьници, ово клѣти, ово вѣжѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора иже не горяше... и побѣгоша людье изъ града.» Изъ этого мѣста видно, что разница была между вежами, клѣтьми и одринами; но какая именно разница, представить себѣ трудно. — При дворахъ были *бани*. Въ Новгородѣ были «бани древѣны, и пережыгуть к рамяно». Въ Кіевѣ «Деревлянномъ пришедшимъ повелѣ Ольга *мовь* створити... и пережыгоша истобъку, и влѣзоша Древляне, начаша ся мыти, и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи е отъ дверин».

Не лзя не ожидать, что древнія жилья стояли частію и отдѣльно: такое отдѣльное жилье, безъ отношенія къ числу дворовъ, со всѣмъ, что къ чему принадлежало, называлось *селомъ*. Этимъ словомъ въ Новомъ Завѣтѣ переводилось слово *ἀγρός* *агер*, усадьба, хуторъ. Сельбища болѣе важныя были — *мьста* и *погосты*. О тѣхъ и другихъ есть одно только упоминаніе лѣтописца, можетъ быть, и по преданію: «Иде Вольга Новгороду и уставы по Мьстѣ *погосты* и дани... ловища ея суть по всей земли, знаменья и *мьста* и *погосты*». Довольно частое упоминаніе о погостахъ въ послѣдующее время не оставляетъ сомнѣнія, что погосты были прежде всего отдѣльными сельбищами, потомъ собраніями такихъ сельбищъ, изъ которыхъ одно было главнымъ, а другія въ отношеніи къ нему выселками, и какъ вторичное получили значеніе религиозное — приходоу и церквей, и гражданское — волостей съ центрами волостнаго управленія (Изв. 2-го Отд. Ак., т. II, стр. 261—265). Ольга усталила погосты по Мьстѣ, т. е. назначила, гдѣ быть имъ: это еще, конечно, не значитъ, что до Ольги погостовъ не было вовсе, или что всѣ, какіе были въ то время, всѣ безъ исключенія были подѣ зависимоу Ольги.

Тоже разумѣть должно и о *мѣстахъ*. Не одинъ разъ находимъ въ нашихъ древнихъ сказаніяхъ *мѣсто* въ смыслѣ особеннаго селѣбища. Такъ на пр. въ Повѣсти врем. лѣтъ читаемъ (стр. 68): «Ярославъ прѣкви ставляше по градомъ и по *мѣстамъ*», въ Лавр. лѣтописи (на стр. 118): «нѣсть *мѣста*, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идѣ же (Татарове) не воеваша»; въ другой лѣтописи (Ипат. л. подъ 6798: 5) «въѣха въ *мѣсто*, а въ городъ нельзѣ бысть въѣхати, зане бороняхуся крѣпко изъ него». Жители мѣста назывались *мѣстичами* (Ипат. лѣт. стр. 216), именемъ, которое напоминаетъ настоящее *мѣщанъ*: ср. Рус. *мѣшкати* — медить, и Польск. *mieszkać* — жить въ мѣстѣ = Лат. *morari* — останавливаться на мѣстѣ или съ какимъ-нибудь дѣломъ. Въ такомъ смыслѣ, какъ подобнозначущее слову городъ въ нынѣшнемъ значеніи, или слову *varoшы*, слово *мѣсто* знакомо многимъ Славянамъ, какъ сѣверо-западнымъ (Польск. *miasto*, *miasteczko*, Срб. Луж. и Чеш. *město*, *městečko*), такъ и югозападнымъ (Хорут. Хорв. Срб.). Какъ *мѣсто* въ значеніи города у нѣкоторыхъ Славянъ (у Поляковъ *miasto*, у Чеховъ *město*) отдѣлилось по выговору отъ мѣста вообще (Польск. *miejsce*, *miejsce*, Чешское *místo*); такъ отдѣлились и въ Нѣмецкомъ *Statt* (мѣсто) и *Stadt* (городъ). Два похожихъ смысла соединяется и во Франц. словѣ *place*, перешедшемъ въ обоихъ смыслахъ и въ Нѣмецкій языкъ (*Platz*), гдѣ употребляется въ обоихъ подобныхъ значеніяхъ еще и *Ort*. — *Города*, жилия мѣста, огороженныя стѣнами, земляными, деревянными или каменными, были также у всѣхъ Славянъ. Такими городами у Русскихъ Славянъ были въ IX — X в. на сѣверѣ: Ладога, Новгородъ, Бело-озеро, Муромъ, Ростовъ, Изборскъ, Полотъскъ, Смольньскъ, на югѣ: Любечъ, Кіевъ, Вышьгородъ, Искорьстѣнь и пр. Ихъ *рубимы* т. е. окружали деревянными стѣнами. Такъ Рюрикъ срубилъ Новгородъ и другіе города, не названныя въ лѣтописи по именамъ. Олегъ также *ставилъ* города. — Жителями ихъ были, сколько видно, не одни мирные граждане, а преимущественно войны, военныя дружины.

— Живя осѣдло, Русскіе Славяне признавали узы семейныя. Ихъ первоначальное основное дѣленіе было по *родамъ*. На нѣкоторыхъ названіяхъ частей народа легла очевидная пе-

чать этого: Кривичи, Вятичи, Радимичи, Дряговичи, Уличи. — Кромѣ упоминаній о мужѣ, женѣ, сыновьяхъ, братьяхъ, уѣ, (уй, уйць — дядя по матери), есть любопытное упоминаніе о значеніи рожденія: «Володимеръ (сынъ Святослава) бѣ отъ Малуши ключницѣ Ольгины» (слѣдовательно другіе два сына его были отъ другой матери). Позже называли Владиміра по матери робичичемъ, сыномъ рабы (6488 г.), какъ бы незаконнымъ; тѣмъ не менѣе за нимъ осталось княжее право. — Значеніе женщины рисуется въ Ольгѣ: она не была по смерти мужа великой княгиней, но имѣла всю власть правительницы и кромѣ того владѣла своимъ особеннымъ княженіемъ, Вышегородомъ.

II.

Власть сосредоточивалась въ лицѣ князя Кромѣ современныхъ замѣтокъ, въ наши лѣтописи занесены и преданія о князьяхъ. Южное преданіе, очень ясное, говоритъ, что Кій княжилъ въ родѣ своемъ; городъ Кіевъ былъ ему свой, тутъ онъ и животь свой скончалъ; братья его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь тутъ же скончались. «По сихъ братья держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ». Лѣтописецъ южный сохранилъ преданіе и о томъ, что въ другихъ краяхъ были такъ же свои собственные князья особыя княженія: «въ Деревѣхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Пологѣ, иже Полочане». Подъ 6370 годомъ записано въ лѣтописи, что Ильменскіе Славяне «изгнаша Варягы... и почаша сами въ собѣ володѣти»: ясно, что передъ этимъ владѣли ими такъ же князья Варяжскіе. Это заключеніе подтверждается сѣверными сагами, между прочимъ сагою о Герфорѣ. Изгнаніе владѣтеля повело за собою то, что «вѣста родъ на родъ». Народъ одумался, «рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» — и въ слѣдствіе этого «изъбрашася три братья — Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ». Въ этомъ событіи видимъ первый образецъ того своеволія, которое послѣ не разъ возмущало Новгородъ, и выказалось очень скоро послѣ прихода Рюрика. Принявъ Рюрика, Новгородцы были недовольны и имъ, и возмущались; позже, при

Святославѣ, нуждаясь въ князѣ, они обратились къ Владиміру; и т. д. Быть недовольными своимъ избраннымъ княземъ и изгнавши его искать другого: таковъ былъ обычный порядокъ въ Новгородѣ, «таковъ бѣ ихъ обычай», какъ замѣтилъ уже древній лѣтописецъ (Лавр. лѣт. подъ 1186 г.). Ясно, что призваніе Рюрика важно не по особенностямъ событія, а только по послѣдствіямъ, по тому, что въ слѣдствіе призванія Рюрика одинъ домъ Рюриковичей утвердился во всей землѣ Русской, и что въ слѣдствіе утвержденія этого дома всѣ другіе дома должны были одни за другими пасть. Безъ этого, призваніе Рюрика, какъ частное Новгородское событіе, не первое и не послѣднее, осталось бы очень неважнымъ и для самаго Новгорода, не только вообще для Русской земли.

Говоря о княжеской власти нельзя не остановиться на словѣ *каганъ*, которымъ иногда назывался князь Кіевскій. Слово это встрѣчается въ древнихъ лѣтописяхъ, какъ названіе хана Козарскаго. «Козари изидоша противу (Святослава) съ княземъ своимъ *каганомъ*». И дѣйствительно у Козаръ, какъ у Аваръ владѣтель назывался *каганомъ*. Въ словѣ же Иларіона *каганомъ* называется Владиміръ. Это сопоставленіе не должно ли вести къ заключенію, что Козарское владычество въ южно-Русскихъ земляхъ повело между прочимъ къ тому, что у нихъ утвердилось слово каганъ, какъ домашнее, съ идеей верховнаго правителя, великаго князя? За словомъ же князь вообще сохранилась первичная идея *родоначальника*, господина дома и дружины.—Князь Кіевскій, какъ верховный, могъ и другимъ раздавать власть княжескую, сажать князьями: такъ Святославъ посади Ярополка княземъ въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ, и «въдалъ» Володимера Новгороду.

Власть княжеская сосредоточивалась въ городахъ Это видно между прочимъ и изъ того, что въ слѣдствіе завоеванія земель сажались мужи въ городахъ земли: такъ еще Рюрикъ (6373) раздавалъ своимъ мужамъ волости и города: «овому Полотьскъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро; такъ и Олегъ, во время похода своего съ сѣвера на югъ, посадилъ мужей своихъ и въ Смоленскѣ, и въ Любечѣ. Къ каждому городу принадлежала своя земля (край и народъ вмѣстѣ), бѣвшая подъ данію, и въ этомъ

смыслѣ становившаяся *волостью*, (отъ владж, власти), собственностию. Первоначальное завладѣніе было *одолѣніе* (побѣда въ нынѣшнемъ смыслѣ), второе — *побѣда* (покоренье). — *Ятися по дань* — согласиться на платежъ дани; *ити по дань* — идти въ походъ за данью. Дань могла быть и въ слѣдствіе только одолѣнья: такая дань была взимаема и съ Грековъ. Дань была различная: мѣхами (бѣлками, кунами), деньгами (щелягами); бывала *легкая* (6392) и *тяжкая* (6454); могла быть повторяема немедленно въ слѣдъ за взятіемъ (какъ видно изъ дѣлъ Игоря). Уже самое различіе дани предполагаетъ что дань принималась въ разныхъ смыслахъ. Дань съ Грековъ по случаю одолѣнья есть первичный родъ дани. И другія дани назывались тоже данями, но назывались и иначе. Такъ были еще и *оброки*: Ольга оставила по Лугѣ *оброки и дани*, а по Мстѣ только *дани* по погостамъ. *Оброкъ* былъ конечно чѣмъ то въ передъ опредѣленнымъ, рассчитаннымъ и постоянно повторяющимся, тогда какъ дань могла быть взята и одинъ разъ. Вѣроятно, оброки были тоже что *уклады* = *вклады*, о которыхъ упоминается при Олегѣ: «и заповѣда Олегъ *дати* воемъ по 12 гривнѣ (вотъ это дань въ первичномъ смыслѣ), а потомъ *даяти* (= давать) *уклады* на Русскіе города: первое на Кіевъ, таже (потомъ) и на Черниговъ и на Переяславъ и на Полѣтскъ и на Ростовъ и на Любечъ и прочіе городъ». Эти *уклады* на города напоминаютъ о дани тяжкой, которую наложила Ольга на Древлянъ: «двѣ части дани идеа Кіеву, а третья Вышьгороду къ Ользѣ». Тутъ хоть и упоминается просто о *дани*, но не одновременной.

На кого же собиралась эта дань? Если-бъ только на князя, то были бы упомянуты имена князей, а не городовъ. Въ городѣ владычествовалъ князь вмѣстѣ съ мужами своей *дружины*. *Мужи* дружины составляли высшее сословіе, противоположное простому народу подвластному, землѣ, людямъ, свободному лично, но общественно зависящему. Мужи были воеводами, посадниками въ городахъ, слами. Кормилецъ княжича, воспитатель, дядька, *gubernator* и *altor* вмѣстѣ (срав. кърма—руль и кърмъ—пища), какимъ былъ Асмудъ у Святослава, былъ, вѣроятно, изъ мужей.

Замѣчательнъ переходъ изъ сословія въ сословіе: Добрыня былъ мужъ при Володимерѣ, а былъ онъ братъ рабыни Ольгиной Малуши, сынъ Любечанина Малка. Не то ли же было и съ Добрыней, что позже (992 г.) съ отрокомъ усмошвенцомъ и съ его отцомъ, которыхъ обоихъ за услугу сына, поборовшаго Печенѣжскаго силача, Владимиръ сдѣлалъ великими мужами?

Людіе Новгородскіе, которые явились въ Кіевъ къ Свято-славу просить себѣ князя, и взяли Владимира, безъ сомнѣнія, были изъ такого важнаго слоя народа, какъ и княжіе мужи.

Впрочемъ *людми* назывались и вообще всѣ свободные. Къ этому слою, вѣроятно, принадлежали и *госми*, люди торговые. Какое значеніе имѣли *госми*, видно изъ преданія о приходѣ Олега въ Кіевъ и о вызовѣ имъ Аскольда.

Простой народъ состоялъ изъ свободныхъ плательщиковъ дани и изъ *работъ*. Рабами дѣлались въ слѣдствіе военнаго пораженія. Такъ Ольга, побѣдивши Древлянъ, «старѣйшихъ града изнима (взяла въ плѣнъ), и прочіе *люди* овыихъ изби, другія *работъ* предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань» — именно ту тяжелую дань, о которой помянуто прежде.

III.

— Разсматривая военные обычая Руси этого отдаленнаго времени надобно прежде всего отмѣтить разницу между *дружинной* и *воями*. — Подо именемъ *воевъ* разумѣлись вообще всѣ ратники, собираемые для похода. Шли съ *воями* на Грековъ и Аскольдъ и Диръ, и Олегъ, и Игорь, и Святославъ. Какъ разнообразенъ былъ составъ этихъ воевъ, можемъ судить по одному примѣру: Олегъ въ 6415 году, идя въ походъ на Греческую землю, повелъ съ собою на коняхъ и въ корабляхъ Варяговъ, Чюдъ, Славянъ, Кривичей, Мерю, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ, Тверцовъ. Даже и Печенѣги бывали въ числѣ воевъ (6452). Наемъ Печенѣговъ, такое же обстоятельство какъ и вызовъ изъ за моря Варяговъ (6449). Такихъ воевъ набирали только на одинъ походъ, на одно лѣто, на одно дѣло: платою были грабежъ и, можетъ быть, часть дани побѣжденныхъ. Если мало бывало одного

ополченъ, то собирали другое. Какъ это дѣлалось, какъ ихъ пристроивали (6479), объ этомъ не осталось ни какихъ данныхъ. Ихъ начальникомъ былъ *воевода*. Такимъ, во время Игоря и послѣ, былъ Свѣнелдъ (6422).—Не то была *дружина*. Святославъ, узнавъ въ Переяславцѣ о нападеніи Печенѣговъ, сѣлъ съ *дружиною* на коней, пришедши въ Кіевъ собралъ *воевъ*, и тогда уже пошелъ на Печенѣговъ. Имя дружины поминается во время Игоря (6452): Игорь совѣщался съ дружиною и примирился съ Греками. Онъ же вмѣстѣ съ своею дружиною погибъ (6453). Это впрочемъ не значитъ, что до Игоря дружинъ не было. Она скрыта въ лѣтописи подъ названіемъ *рода*. «Вятко сѣде съ *родомъ* своимъ на Оцѣ; отъ него же прозвашася Вятичи». Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ явились на зовъ княжить «съ *роды* своими»; Аскольдъ и Диръ (6373) пошли въ Кіевъ съ *родомъ* своимъ. Тутъ *родъ* принимать должно въ томъ же военномъ смыслѣ, какъ послѣ употреблялось слово *чадь* = *челядь* (=родъ): вся мужеская часть дома, и свои и близкіе, хотя бы не родные и не подвластные (ср. Лат. *familia, gens*). *Дружина* — постоянное войско, къ которому принадлежали всѣ *мужи* и *отроки* (ср. Греч. *παῖς* — дитя, отрокъ, рабъ, *παῖδες* — челядь). Они были, конечно, всѣ всадники и меченосцы, тогда какъ вои были всѣ или преимущественно пѣшіе и вооружались чѣмъ кто могъ. Непосредственный начальникъ княжеской дружины былъ самъ *князь*. У воеводъ были свои дружины; такъ была своя дружина у Свѣнелда.

Оружіе было общимъ названіемъ вооруженія. Къ нему принадлежали брони, щиты, мечи.—О *мечь* важное мѣсто по преданію занесено въ Повѣсть врем. лѣтъ относительно Козаръ: Явились Козары къ Полянамъ и потребовали дани. Поляне сдумались и дали отъ *дыма* *мечь*. Пошли Козары къ князю своему и къ старѣйшинамъ и сказали: Вотъ нашли то мы новую дань! Увидя мечъ, замѣтили старцы Козарскіе: Не хороша эта дань, князь нашъ! Мы дошли до дани оружіемъ объ одномъ лезвѣ (саблями), а у этихъ оружіе обоюду остро (мечь): эти мечники будутъ брать дань и съ насъ и съ другихъ народовъ.

И сь то, потому что они говорили не по своей волѣ, а по Божьему повелѣнью. — Другое важное мѣсто лѣтописи,

занесенное въ нее, можетъ быть, такъ же по преданію, касается размѣна оружія для скрѣпленія дружбы: Прѣтичь, мѣняясь оружіемъ съ княземъ Печенѣжскимъ, далъ ему *бронь*, *щитъ*, *мечъ*, а отъ него получилъ коня, саблю и стрѣлы.

Затѣявъ войну (рать), заратившись, и отправляясь въ походъ (*идти*, *ходить* — значитъ отправляться съ воями далеко) на коняхъ и пѣшкомъ, войско имѣло съ собою *кола*, *возы* (обозъ), необходимые между прочимъ и для везенья *брашна*. Что это было съ воями обычно, видно изъ отмѣтки обычая Святослава, который «*ходя, возъ по собѣ не возяше ни котъла, ни мясъ варя, ни шатра имяше*» (6472). — Судовая рать была употребляема не всегда; но въ походахъ на Болгарь и Грековъ она всегда составляла необходимую часть. Иногда, какъ и Святославу на возвратномъ пути передъ смертью, суда были необходимы для переправы всего войска, слѣд. и коннаго. Эти суда назывались *ладьями* = *кораблями*. О судахъ ратныхъ важное преданіе занесено подъ 6415 годомъ, о томъ, какъ Олегово войско подвезло свои суда къ Цареграду на колесахъ.

Войско отправлялось *воевать*, т. е. грабить. *Повоевати* землю значило пограбить, набрать въ ней добычу: такъ Игорь удаляясь изъ Греціи, «повелѣ (= позволилъ) Печенѣгомъ воевати Болгарьску землю». Такъ воевать можно было и безъ открытыхъ битвъ. *Одолъны* въ битвѣ давало право на *дань* (6452, 6474, 6475). *Побѣдити* значило покорить: такъ побѣдилъ Святославъ Ясовъ и Касоговъ (6473); а Вятичи и Козары были имъ только *одолъны*.

Изъ одного частаго упоминанія о походахъ въ лѣтописяхъ уже можно судить, какъ тѣсно были связаны походы съ бытомъ народа. Они были важнымъ средствомъ для обогащенія народа. Не даромъ же дружина Игоря говорила ему, настаивая на походѣ: «Отроци Свѣнелъжи изодѣлися суть *оружьемъ и порты* а мы *нази*; поиди княже съ *нами въ дань*, да и ты добу-деши и мы».

— Торговля была тоже средствомъ обогащенія народнаго, поддержанія внутренней промышленности. «Хочю жити въ Перяяславци на Дунай — говорилъ Святославъ — яко то есть середъа въ земли моей, яко ту вся *благая* сходятся: отъ Грекъ

злато, паволоки, вино, овощие разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скоря и воскъ, медь и челядь» (подъ именемъ скоры (= шкуры) понимать должно и и кожу и мѣха). И такъ Русь доставляла Болгаріи мѣха и кожи, воскъ и медь, рабовъ. О вывозѣ *мѣховъ* изъ Руси не только въ Византійскую Имперію, но и къ Каспійскому морю говорятъ и Арабскіе историки, упоминая между прочимъ и о поплинахъ, платимыхъ купцами. Вывозимые мѣха были мѣха лисиць, бобровъ, соболей. Они считались драгоценными. Богѣе обычными были мѣха куньи и бѣлыи, которыми платилась дань: о *бѣль и вевериць* упоминается и въ лѣтописяхъ уже подъ 6367 годомъ, какъ о дани платимой Сѣверянами, Полянами и Вятичами Козарамъ; позже (6391) упоминается, что Древляне платили Олегу дань по *черной кунь*. Важность ловли пушныхъ звѣрей была причиной тому, что и у князей были свои *ловища* (6455). Равнымъ образомъ цѣнилось и пчеловодство, добываніе воску и меду, какъ свидѣтельствуютъ и князьи *знаменья* (6455).—Привозимые товары изъ Греціи были разными *узорочьа*: золото, паволоки, овощи, вино и *всякое узорочье*. Это было данью (6415), это же и товаромъ.

Слѣдствіемъ веденія торговли было заведеніе мѣсть, гдѣ содержались народныя вѣсы, *перевѣсиць*, которыхъ содержаніе принадлежало князю. Словомъ *перевѣсиа* въ древн. переводѣ Пророчествъ переведено ζυγός — *statera*. Иерем. XXXII, 10: «поставихъ серебро въ прѣвѣсняхъ». Слово *перевѣсь*, *перевѣсы*, въ смыслѣ вѣсовъ, находится и въ Русс. Правдѣ. Перевѣсища Ольгины были между прочимъ по Днѣпру и по Деснѣ (6455). Перевѣсища были и въ Кіевѣ, какъ видно изъ лѣтописнаго описанія: «Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кыевскыя, и на подольи не сѣдяху людѣ, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идѣ же есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бѣше въ городѣ, идѣ же есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а *перевѣсище* бѣ внѣ города, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣ же есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень».

Были въ ходу на Руси въ это время и *денги*; но безъ со-

миѣнія не свои, а привозныя. Радимичи и Вятичи платили дань Козарамъ по *щяльгу* отъ рала (6393 — 6394), а послѣ ту же дань платили князьямъ Кіевскимъ. Этотъ *щяльгъ* = шелягъ (Пол. *szeląg*) тоже, что Гот. *skilings*, Анг.-Сакс. *scilling*, др.-Сѣв. *scillingr*, ст.-Франц. *escalin*, Итал. *scellino*, Португ. *xelim*: (ср. Греч. *σικλα* = Лат. *siclus*; Евр. ш'к'л—вѣсить). *Щяльгъ* = *стлягъ* равнялся Греч. златицѣ, какъ видно изъ Судеб. царя Константина (гл. VI): съблюдаяи же съ чюжею рабою да битъ будетъ и да дастъ 30 *стлязъ* рекше *златиць* (въ Зак. Льва мудр. *solidios*, Розен. стр. 334. Полн. Собр. лѣт. VI. 71), «а мзды ему нарицающесе на всяко лѣто 3 *щяльзи* предъ послухомъ (т. ж. стр. 74). Другою ходячею единицею денегъ была *гривна*: еще Олегъ (6394) «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень 300 на лѣто мира дѣля (еже до смерти Ярославлѣ даяшесе Варягомъ)». Обычность этой денежной единицы доказывается и тѣмъ, что ею измѣрялась цѣнность вещей: во время зимовки Святослава въ Бѣлобережьи «бѣ гладь великъ яко по полугривнѣ глава коняча» (6479). Названіе гривны (= ожерелья) какъ будто указываетъ, что это была монетная вещь употреблявшаяся и для украшенія: срав. др.-Нѣм *manik* — *lupula* отъ *mani*—*juba*. — Денежною единицею были вѣроятно и *бѣли* (*аспро*?).

— Торговые пути были, вѣроятно, тѣ самые, что и военные. Въ преданіи, занесенномъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, указанъ водный путь, съ волокомъ отъ Днѣпра къ Ловати, между морями Чернымъ (Русскимъ) и Балтійскимъ (Варяжскимъ) по Днѣпру, Ловати, озеру Ильмену, Волхову и озеру Ладожскому (Неву). Тутъ же означены пути по Двинѣ и по Волгѣ. Были, вѣроятно, и пути изъ Кіева въ землю Древлянъ къ Радимичамъ и Вятичамъ къ Козарамъ и къ Печенѣгамъ, какъ указываютъ походы князей съ дружинами и впаденія насильниковъ въ Русскую землю.

— Судходство на *корабляхъ* (6415) и *лодьяхъ* (6452) такъ же было, вѣроятно, одно и тоже для торговли и для войны. Сказанія о походахъ черезъ Черное море указываютъ не на хорошее устройство кораблей, а на привычку подвергаться опасности, такую же, какая позже была у Запорожцевъ.

IV.

Миръ и любовь. Миръ съ Варягами (6390), съ Греками (6415, 6420, 6453), съ Печенѣгами (6423) достаточно показываютъ, какъ обычно было для Русскихъ дѣло примиренія съ врагами. Принадлежностью заключенія мира было *положить ряды* (6420) условиться. На основаніи этихъ рядовъ миръ поддерживался клятвою. «Заутра призва Игорь слы и приде на холмъ идѣ стояше Перунъ. Покладоша *оружье свое и щиты и золото*, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси, а хрестеаную Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи». Миръ поддерживался кромѣ того посредствомъ *талей* — заложниковъ. *Тали* могли означать впрочемъ и *пльнниковъ*: въ такомъ смыслѣ это слово употреблялось и позже (ср. Новг. I: «Того же лѣта (1242) Нѣмци прислаша съ поклономъ (говоря) и что есмы *изымали* мужни вашихъ, а тѣми ся размѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите. И *таль* Пльсковскую пустиша и умириша я». Ипат. подъ 6737 годомъ: «Князь поя отъ нихъ 2 мужа и приѣха Кондратови и створи Кондратъ съ ними миръ и поя у нихъ *таль*. Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ». Новг. I: «Въ лѣто 6825. послаша Новгородци владыку Давыда къ князю Михаилу съ молбою, просяче на *окунѣ* братьи своей, что у князя въ *тальхъ*, и не послуша его князь». Такъ и въ грамотахъ напр: «А какъ князь сребро поемлетъ, тако ему вся *таль* пустити по дѣлованья: Грам. 1317. С. г. г. I. № 12 стр. 16: тутъ же *тальщиками* назывались люди принадлежавшіе къ *тали*). Это значеніе слова таль, было, вѣроятно, первичное.

— *Вѣра.* Было бы здѣсь у мѣста сказать и о язычествѣ Русскомъ, такъ какъ въ древ. лѣтописяхъ нашихъ есть упоминанія о вѣрованіяхъ и обрядахъ языческихъ; но эти упоминанія сами по себѣ, безъ подробнаго сличенія съ другими, незначительны и при томъ, можетъ быть, занесены въ лѣтопись послѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ болѣе ясныхъ указаній, — и потому разборъ ихъ отлагаемъ на другое болѣе удобное мѣсто. Здѣсь же вспомнимъ только, что по свидѣтельству древней лѣ-

тописи главными божествами Русскихъ были Перунъ и Волось, что имъ ставились истуканы, передъ которыми совершались клятвы, что погребеніе покойника или по крайней мѣрѣ тризна на его могилѣ считалась важнымъ торжествомъ. Вѣра языческая, не смотря даже на крещеніе Ольги, считалась исключительно господствующею.

V.

Изъ постановленій законныхъ видны очень немногіе. Самое важное касается контрактовъ, *рядовъ*: можно предполагать что *ряды покладати* (6420) было въ обычаѣ не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ частныхъ. Еще можно вспомнить о *наслѣдствѣ* и о *попечительствѣ* въ княжескомъ родѣ: Рюрику наслѣдовалъ сынъ Игорь но до смерти правителя Олега, онъ не владѣлъ; Игорю наслѣдуетъ Святославъ, но тоже подъ попеченіемъ матери. Святославъ дѣлитъ свое владѣніе на доли между сыновьями еще при жизни.

Любопытны собственныя имена личныя этого древняго періода.

Имень Скандинавскихъ очень немного въ лѣтописи. При этомъ стоитъ замѣтить, что уже внукъ Рюрика носитъ Славянское имя *Святослава*, что имя сына Свѣнelda, воеводы Святослава, тоже Славянское — *Мистиша*. Имя Люта, сына Свѣнельдова, было тоже, кажется, Славянское: по крайней мѣрѣ у многихъ Славянъ издревне употреблялось и это имя (Лють, Лютикъ, Лютко, Лютята, и пр.), и сложныя отъ него происшедшія (Лютоборъ, Лютогнѣвъ, Лютомиръ, Лютомысль и др.).

Въ лѣтописи болѣе именъ Славянскихъ.

— Къ незапамятному времени относится *Кым*, основатель Кіева: и въ древнемъ Чешскомъ было это имя и производное отъ него *Кыята* (Сав. mus. VI. 63). Имя брата его *Щека*, можетъ быть, тоже Славянское: корень щекати-щѣкати указываетъ на возможность собственнаго имени, а у Словаковъ и употребляется это имя какъ прозвище. Имя другаго брата *Хормъ* = *Хоревъ* не такъ легко объясняется. Имя сестры ихъ *Лыбедь* такъ же возбуждаетъ сомнѣнія, умноженныя еще болѣе предположеніемъ

Мистиша сынъ Свѣнелда—есть вѣроятно Мстиславъ. Ср. Чеш. Mstislaw: Mstiš (Čas. mus. 64).

Прьтичь—сынъ *Прьта*? Срав. Болг. Запрета, Чеш. Протива, Противой. Или же это сынъ Скандинавскаго Фрета? (Кунникъ: Rods. 11. 191; Миклошичь: Chron Nest. 194).

Въ числѣ собственныхъ именъ народныхъ имена чужеродцевъ могутъ быть названы Славянскими словами только по грамматическому образованію. Большею частію это собирательныя женскаго рода — на *ь*: Русь, Весь, Черемись, Корсь, Чудь, Пермь, Ямь = Емь, Ливь, — на *я*: Меря, — на *а*: Печера, Зимегола, Мурома, Морд'ва, Лит'ва, Норова. Каждое изъ этихъ именъ означаетъ и народъ и землю его. Нѣкоторые изъ народныхъ именъ чужеродцевъ образованы такъ, что могутъ употребляться во множественномъ какъ названіе народа съ окончаніемъ муж. рода и какъ названіе земли съ окончаніемъ жен. рода, а въ единственномъ какъ названіе одного лица изъ народа: Варягъ, Варязи, Варягы, — Печенѣгъ, Печенѣзи, Печенѣгы, — Грькъ, Грьци, Грькы, — Българъ, Българи = Българе, Българы, — Козаръ, Козаре, Козары, — Объръ, Объри, — Угъръ, Угъри, — Волхъ, Волъси. Славянскія народныя имена почти всѣ такого образованія: одни изъ нихъ произошли отъ именъ личныхъ: Кривичи, Дреговичи, Радимичи, Вятичи, Уличи; другія — отъ именъ мѣстныхъ: Поляне, Деревляне, Полочане, Сѣверяне, Бужане, Вольняне. Нѣкоторые темнаго происхожденія: Словѣне, Дулѣби, Тиверьци, Хървати = Хървате. При очень немногихъ есть форма собирательнаго имени: Сѣверь = Сѣверо = Сѣвера, Серебь. При немногихъ же есть названіе края: Поля, Деревля, Вольнь.

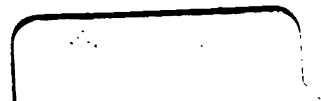
Имена городовъ образовались частію отъ именъ личныхъ: Кыевъ, Ростовъ, Любечъ (кажется, и Черниговъ), село Ольжичи, — частію отъ именъ мѣстныхъ: Полотъскъ, отъ р. Полоты, Смольнъскъ отъ смолы въ смыслѣ глины, Бѣло озеро, — частью какъ нарицательныя: Новъгородъ, Вышьгородъ, Пересѣченъ (какъ Перекопъ). Нѣкоторыя могутъ быть толкуемы различно: Вручій, Искоръстѣнь, Ладога.

Имена озеръ: Невѡ(=Ново), Бѣло, Клещино, Ильмерь=Ильмень. Последнее, напоминая Польское *ilme* = *Hulme* (по грам. 1136 г.) и Греч. *λίμνη*, напоминает и областное слово *ильмень*, значащее озеро. Имена рѣкъ: муж. рода: Дунай, Днѣпръ, Бугъ, Вълхвъ, жен. рода: Вълга, Ока, Сула, Двина, Десна, Полота, Ловоть, Припеть, Семь, Съжь. Изъ нихъ только немногія понятны, другія только звучать по Славянски и даже по Русски, нѣкоторыя только при особенной рѣшимости могутъ быть объясняемы по Славянски. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ именъ рѣкъ суть вмѣстѣ и имена людей: Дунай было имя собственное у Русскихъ (Дунай Ивановичъ богатырь), у Чеховъ (Саз. mus: VI: 62, Erben: 643), у Сербовъ (юнакъ Дунай въ пѣсняхъ). Днѣпръ — у Чеховъ (Dobrovski: 99), у Русскихъ (козакъ Днѣпро), Десна — у Сербовъ (Задрянка Десна; ср. Болг. Десѣ). Нѣкоторыя изъ именъ рѣкъ одинаково извѣстны и другимъ Славянамъ.

Stanford University Libraries

3 6105 011 880 460

32

Stanford University Librarie
Stanford, California

Return this book on or before date due.

--	--

Stanford University Libraries

3 6105 011 880 460

PG
3300
L42574

Stanford University Libr
Stanford, California

Return this book on or before date

JUL 20 1974

